

Рудольф БАРШАЙ:

**«Я уехал не за колбасой.
Тем более что я ее
не люблю...»**

**Рудольф Баршай был одним из первых,
кто открыл поток эмиграции, пришедшийся
на времена застоя.**

**Его не было в России около двадцати лет.
Но имя его по-прежнему многое и для многих
значит. Сегодня трудно представить
нашу музыкальную жизнь без камерных
оркестров - без спиваковских
«Виртуозов Москвы»**

**или башметовских «Солистов Москвы», других
камерных коллективов.**

А начиналось все с Рудольфа Баршай,

с его Московского камерного оркестра.

Но дело не в том, что он был первопроходцем.

Он был и остается легендой нашей музыки,

его записи слушали

те музыканты, которые

входили в жизнь тогда,

когда его уже

не было в Москве.

Пусть на этих

пластинках

отсутствовало

имя дирижера -

почему-то все знали,

что это Баршай.

Его камерный оркестр,

первый подобный

коллектив

в России, до сих пор

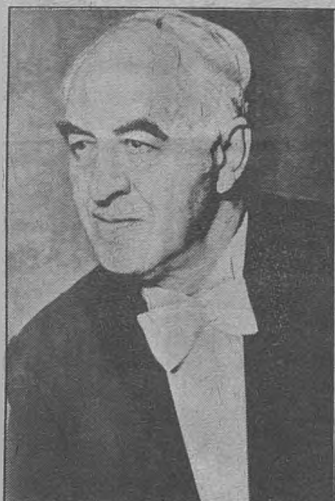
иной раз называют

«баршаевским».

И вот

Рудольф Баршай

в Москве.

- Рудольф Борисович, вы хоть и живая легенда, но для многих еще и терра инкогнито. Информации о вашей деятельности мы были лишены. Как начинался первый в истории России камерный оркестр?

- Идея организации подобного коллектива пришла в голову нескольким музыкантам и мне в частности. Тогда в Европе появилось немало профессиональных камерных оркестров. Мы поставили перед собой задачу создать такой оркестр у нас. Условие - репетиции неограниченны, в основном по ночам. Зарплаты никакой. Сколько будем репетировать - месяц, два, год, - неизвестно. Далеко не все приглашенные говорили: «Да». Это было в пятьдесят пятом году, в октябре. Не могу сказать, что нам мешали. Но, скажем, тогдашний худрук филармонии Моисей Абрамович Гринберг сказал: «Ну что вы, эта идея нереальная. В стране, где даже квартетную-то культуру никак привить не можем, а вы хотите камерный оркестр! Это же утопия!» И все же мы продолжали репетировать.

- Я знаю многих людей, которые помнят все ваши тогдашние концерты. Почему был такой успех?

- Прежде произведения старой музыки - Вивальди, Гендель, особенно Бах - исполнялись большими оркестрами. Считалось, что этих композиторов нужно совершенствовать. Шуман, например, писал фортепианные аккомпанементы для сольных баховских сонат. Так было принято. Да и в наше время некоторые совершенно не признавали в оркестре клавесин. Даже иные консерваторские профессора говорили: «Да уберите вы из оркестра эту кастрюлю». Но потом начали очищать источники. Стали играть эту музыку в оригинале. Сейчас пошли еще дальше, появились оркестры с инструментами того времени, когда писалась музыка. А отклик на нас был действительно горячий и быстрый. Все хотели услышать старинную музыку в том виде, в котором она была написана. Теперь интерес публики перекинулся на оркестры более современные, то есть еще более старинные.

- Рудольф Борисович, вы здесь имели признание публики и профессионалов. Почему вы все же уехали?

- Я дал себе слово больше не отвечать на этот вопрос. Мне его задавали, наверное, одну тысячу сто раз. Конечно, я уехал не из-за колбасы. Тем более что я ее не люблю. Ну уехал и уехал. Бывает. Я сейчас подданный Ее Величества Королевы Великобритании.

- Это приятно?

- Очень. А живу я в Швейцарии. Ни разу никто в Англии меня не спросил: «Почему?» Говорят только: «Ах, какая прелесть, что вы живете в Швейцарии!» Я езжу в Англию раз сорок в год. Между прочим, я уехал из Союза, чтобы и об этом не спрашивали. Чтобы я мог поехать куда хочу и когда хочу, никому не кланяясь.

- Рудольф Борисович, когда вы уехали, оркестр переходил из рук в руки. Музыканты не могли вас забыть. Была масса проблем, творческих, человеческих.

- Проблемы были и до моего отъезда. По некоторым причинам личного характера я был невыездным. Оркестр от этого страдал. У нас ведь не ездить за границу - это трагедия для известного коллектива. Оркестр стали посылать без меня. Я их специально тренировал, чтобы они играли без дирижера. Так долго продолжаться не могло. Хотя мало ли какие трудности бывают. Если обе стороны не совсем дураки, то они преодолевают эти ситуации.

Вот у меня концертмейстером оркестра был Евгений Смирнов. Двадцать лет мы проработали вместе при полном взаимопонимании. Конечно, бывали моменты острые. Но я видел перед собой человека умного, который способен пойти на нужный компромисс. И я ему отвечал тем же. Приехал - позвонил ему... Даже говорить не мог от волнения.

- А как сложилась ваша судьба на Западе?

- Сначала был Израильский камерный. Хороший, сильный оркестр. Но после Московского... Несколько раз работал и с другими камерными оркестрами, но их работа мало чем отличается от симфонического. Только репертуаром да составом. Камерный оркестр, который мы строили с моими друзьями в Москве, отличался принципиально. Мы готовили программу, когда она была готова, объявляли концерт. В большом же оркестре сначала намечается дата концерта, потом две-три репетиции - и выступление. Такого проникновения в произведение в больших оркестрах не бывает.

- И все же теперь вы пришли к симфоническому оркестру?

- Это был длительный внутренний процесс. На меня очень повлиял Шостакович. Я с ним много общался. Если был Бог на земле, то для меня это был Шостакович.

Когда оказался на Западе, то пришлось работать с Лондонским филармоническим оркестром, со всеми английскими, многими немецкими. Шесть лет руководил Борнемоуским симфоническим оркестром. Три года работал в Канаде, в Ванкувере. Был постоянным приглашенным дирижером оркестра Националь де Франс. А потом я решил, что надо как-то освободиться. И вот уже четыре года как я свободен. Принимаю интересные предложения.

Недавно меня пригласили в испанскую провинцию Галисия. Импресарио говорил: будете удивлены, поверьте. Приехал я туда и был поражен. Провинция Галисия разбогатела, люди там очень гордые и хотят доказать, что они самые лучшие. Решили создать оркестр. Послали инициативную группу в Москву и Петербург, привезли четырнадцать очень сильных русских музыкантов. Еще нескольких англичан, американцев. И правда, первоклассный оркестр.

- А почему вы так поздно приехали в Москву? Здесь уже многие перебивались, уже нет того ажиотажа, которым сопровождались первые приезды «невозвращенцев» и эмигрантов.

- Причина одна - занятость. Не занимать апрель 93-го я просил своего менеджера еще два года назад. И я не жалею, что приехал.

- Ну и какие ощущения?

- Я слышал, что здесь трудно. А сейчас вижу. Но не надо горевать или слезы лить. Каждый должен в меру своих сил что-то делать. Как-то помочь. Знаете, у Шекспира есть такие слова: музыка души печалит, но за нее в ответ не жаль, стора, жизнь отдать. Если музыку преподнести по-настоящему, это - помощь. Это то, что можем мы, музыканты.

Беседу вела
Вера КОЛОСОВА